

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ТРАВМЫ: ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sociol7@yandex.ru).

Аннотация. В историко-культурном контексте анализируются подходы к версиям травматического развития, а также собственно к теории социальной травмы. Теория становления П. Штомпки раскрывает то, как эффекты «общества в действии» и «патологического агентства» вызывают социокультурные травмы. Теория культурного конструирования травмы и «драматизация сознания» Дж. Александера диагностирует роль искусственно созданных короткоживущих смыслов мистифицированного толка в деформации общественного сознания. В центре статьи – теория общества травмы Ж.Т. Тощенко, обосновывающего особую модальность развития. С помощью теоретико-методологического инструментария данной теории осуществляется переоценка традиционных критериев прогресса стран, ранее определяемых как «развитые», «развивающиеся», «догоняющие», «отстающие», – они не учитывают травматические черты «нестабильных государств» и то, что их реалии и тенденции развития не совпадают ни с эволюционной, ни революционной модальностью. Рассмотрены сложные причины, способствующие травматическому развитию. Опираясь на положения и выводы теории Ж. Тощенко, автором статьи намечаются перспективные направления исследования обществ травмы.

Ключевые слова: травма • нелинейность • рефлексия • становление • «общество в действии» • конструирование травмы • «драматизация сознания» • общество травмы • модальность развития • человеческий капитал • цифровизация

DOI: 10.31857/S013216250009131-7

Поднятые в новой книге члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)» вопросы столь значимы, что побуждают взглянуть на феномен *социальной травмы* в историческом плане, в контексте имеющихся теоретических подходов к ее анализу. В обыденной жизни под *травмой* понимаются повреждения тела «в результате внешнего воздействия (ранения, ушиба, ожога и т.п.)» или «нервное потрясение»¹. В медицинском дискурсе используются близкие по смыслу понятия – кризис, криз. Травма в психологии – подавление пережитого негативного неожиданного события, в результате чего данное событие искажается в воображении и памяти индивида [Caruth, 1995].

При становлении капитализма, сопровождавшегося активной урбанизацией и воздействием человека на природу, проблематика травмы начинает входить в социально-политические науки, которые рассматривали влияния разных *внешних факторов* на изменения социальной телесности – жизни людей, их сознания, поведения, условий существования, хотя сам термин травма долгое время не употреблялся. Так, теория аномии Э. Дюркгейма посвящена анализу ценностных деформаций, обусловленных аномальным разделением труда. Концепция отчуждения К. Маркса рассматривает социально-экономические факторы, формирующие у людей «чуждую волю». Ф. Энгельс указывает на варварское отношение к природе – губительное для самого общества: «Людям, которые в Месопотамии,

¹Травма // Словарь русского языка. Т. IV. М.: Русский язык, 1988.

Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран» [Маркс, Энгельс. Т. 20: 496]. Ш. Гилман изучала социально-психологические потрясения женщин, исходящие от мира, созданного мужчиной. М. Вебер – латентные проявления процесса рационализации; Г. Зиммель – природу угроз от экспансии культуры; А. Шютц – вызовы жизненным мирам людей, исходящие от институциональных структур. В этих случаях травмирующие последствия рассматривались в *локальных* пространственно-временных реалиях конкретных обществ.

П. Сорокин первым проанализировал масштабные дезинтеграции социума, определяемые им как «цивилизационный кризис» в *глобальном* контексте, отмечая «во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих, возникновение и постепенный рост первых компонентов нового – интегрального – социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности» [Сорокин, 1997: 11]. Согласно его теории, периодически происходящие деформации ценностей, истины, этики, права, мирового лидерства носят *естественный характер* в комплексе *флуктуационных изменений*: дезинтеграция социокультурного порядка – кризис – или гибель общества, или мобилизация сил – рождение нового социокультурного порядка [Сорокин, 2000]. Из этого следовал вывод, что с катаклизмами человечеству суждено существовать, а для минимизации их проявлений необходимо создание Истины и Красоты дополнять адекватным производством Добра [Сорокин, 1991].

Собственно теории травмы, применяемые к анализу социальных и социальных реалий, появились в конце XX – начале XXI в., что их авторы связали с нелинейным развитием социума. Главное в этих теориях – инновационный теоретико-методологический инструментарий рефлексивного типа, позволяющий анализировать сложные причины происходящих изменений, которыми могут быть как внешние, так и внутренние факторы в виде саморазвития, самотворения, саморефлексии индивидуальных и коллективных акторов, а также природы.

П. Штомпка: становление как новый тип социального развития и главный источник социальных травм. По мнению польского социолога, социальное изменение ныне происходит в форме *становления* (*becoming*), квинтэссенция которого выражается в *перманентной незавершенности* развития структур и их функций, что воспроизводит эффект «общества в действии», вызывая сопутствующие социокультурные травмы [Sztompka, 1991]. Социальные травмы, будучи атрибутом становления, являются «активной, движущей силой социального изменения, присущей человеческим коллективам». Они также возникают в результате «патологического агентства»: «деструктивного воздействия на социальное тело непредвиденных, отчасти неопределяемых, имеющих непредсказуемый финал процессов». Пример тому – крах коммунизма в Восточной Европе, «считавшийся революционным прорывом и встреченный с энтузиазмом участниками», но «обнаруживший иное, уродливое лицо». Становление – динамично развивающийся процесс, предполагающий «травматическую последовательность» в виде ряда стадий: «структурная благоприятность» в виде среды, способствующей возникновению травмы; собственно травматические события; особые способы их интерпретации; возникновение «травматических симптомов», выраженных в разделяемых всеми образцами поведения в контексте общепринятых мнений; посттравматическая адаптация; амбивалентное преодоление травмы – завершающая фаза или начало нового цикла травматической последовательности. Природа травмы амбивалентна: «несмотря на непосредственно негативные болезненные последствия, демонстрирует позитивный, функциональный потенциал как сила социального становления. Вопреки вызванным ею разрушениям и дезорганизации культурного порядка, ее можно рассматривать как семя новой культурной системы, стимул культурной консолидации»

[Штомпка, 2001a: 5–7, 16]. Соответственно, люди вынуждены постоянно рефлексировать травматические изменения, осуществляя переоценку ценностей. В этом процессе прослеживается ряд стадий: 1) развитие недоверия. После восторгов и энтузиазма появляется «синдром следующего утра», выражающийся в неуклонном падении доверия к институтам власти; 2) получает распространение мрачный взгляд на будущее, проявляющийся в страхах и тревогах; 3) ностальгируя по прошлому, люди считают, что при социализме они были более удовлетворены жизнью; 4) распространение политической апатии, электорального абсентеизма, отсутствие гражданской инициативы; 5) возникают посткоммунистические деформации коллективной памяти, идет переоценка прошлого и роли в нем людей. Со временем травма вступает в стадию «излечения», что проявляется в росте доверия в обществе к институтам демократии, рынка, церкви – формируется «новая культурная консолидация» [Штомпка, 2001б].

Из теории П. Штомпки следует, что становление является новым типом социального изменения, происходящим в виде социальных травм и рефлексии людей относительно их последствий. Обосновано, что для становящихся реалий характерны структурно-функциональная незавершенность, неопределенность, общественное развитие без рельефно выраженного направляющего начала – парадоксально сочетаются центробежные тенденции (бегство от прошлого) и проявления центростремительных сил (ностальгия, попытки возврата к прежней жизни). Однако данная теория не объясняет, какие конкретно действия необходимо предпринять социальным акторам для целенаправленного движения к «новой культурной консолидации». Не показаны потенциальные факторы, воспроизводящие и поддерживающие ее в условиях увеличивающейся неопределенности. На наш взгляд, такая консолидация может находиться лишь в неустойчивом равновесии, адекватном реалиям нелинейности и «нормальной аномии» [Кравченко, 2014б: 3–10].

Дж. Александер: культурное конструирование травмы и «драматизация сознания».

Этой проблематике социолог посвятил три большие книги, каждая из которых вносит существенные новации в понимание природы травмы. В «Смыслах социальной жизни» пример культурного конструирования травмы используется для обоснования предмета культуральной социологии (культур-социологии – cultural sociology) – производство и распространение социального смысла. В этой парадигме травма трактуется не как реально существующий социальный факт, а как *результат кодирования, означения* зла через призму определенных культурных ценностей и норм. «Для того, чтобы травматическое событие обрело статус зла, необходимо его становление злом. Это вопрос того, как травма входит в знание, как она кодируется... Я бы хотел предложить не рассматривать само существование категории “зла” как нечто существующее, а как атрибутивное конструирование, продукт культуральной и социологической работы». Ценным в его теории является раскрытие механизма формирования специфического символического смысла: он производится посредством определенных бинарных представлений и бинарных дискурсов, позволяя идентифицировать «степени зла», которые «имеют большие смысловые значения, касающиеся ответственности, наказания, корректирующего действия и будущего поведения. Нормальное зло и радикальное зло не могут быть одним и тем же» [Alexander, 2003: 31–33].

Принципиальная новация книги «Травма. Социальная теория»: травма не состояние, а *процесс*, наносящий ущерб функционированию коллективности, устанавливающий жертву, возлагающий ответственность [Alexander, 2012]. В книге «Драма социальной жизни» травма предстает в форме «*драматизации сознания*» – процесса, приводящего к ломке прежних и образованию *новых солидарностей прагматического толка*, который, по мнению автора, – квинтэссенция нынешнего модерна, основанного на переходе общества от ритуала к перформансу. «Драма является фундаментальным фактором в поисках смысла и солидарности в постритуальном мире... Драма вытесняет, включая, однако, в себя клочки домодерного религиозного порядка». И далее: в современном мире «без драмы коллективные и личные смыслы не смогли бы поддерживаться, дьявол не мог бы быть

идентифицирован, справедливость невозможно было бы достичь» [Alexander, 2017: 102–103]. Результатом социальной драмы является социальная травма, ломка сознания людей и их прежних солидарностей.

Драматизация сознания начинается с травмирования смыслов, обретенных индивидами в процессе социализации, которые замещаются новыми *мистифицированными представлениями* о ценностях и референтах. Посредством спектакля формируется «рациональный нарратив», чья «драматургия пуста и цель которого – чистая мистификация. В спектаклизованных обществах модерна все перевернуто с ног на голову, ничто не приходит снизу вверх... Мы никогда не сможем быть активными, будучи драмопроизводящими агентами» [Alexander, 2017: 2–3]. При этом автор раскрывает и анализирует *латентные стороны* механизма драматизации сознания. Когда проблемы зарплаты, безработицы, коррупции, репрессий и т.д. «входят в суматоху революционной социальной борьбы, они, выступая как знаки, формирующие эмпирические факты (“означаемые” в семиотических терминах), образуют в итоге цепь уже значимых символов. В то время как их материальность иллюзорна, они обладают фактической ценностью – этот вымысел реально используется... Для участников, ровно как и наблюдателей, революционные конфликты воспринимаются как борьба за жизнь и смерть не между просто социальными группами, а между социальными представлениями, с одной стороны, священного, а с другой – нечестивого» [Alexander, 2017: 40, 46]. В результате противоборств нарративов национального спасения и заката происходит мистификация добра и зла. При этом победа одной из сторон не конец процесса – возможны «контрперформансы», предполагающие зигзаги и повороты вспять: «Прошлое становится золотым веком; настоящее фреймируется как падение в подавленность, нигилизм или аномию» [Alexander, 2017: 107]. Некоторые индивиды могут и не осознавать, что их сознание травмируется, – они принимают деформированные ценности, проявляя готовность к жизни в новой мистифицированной солидарности и с мистифицированными представлениями, разумеется, о будущем счастье, будущей свободе, которые вряд ли будут материализованы.

Теория Дж. Александра по-новому интерпретирует роль травм, основанных на *короткоживущих смыслах* и *мистифицированных представлениях*, которые, однако, способны радикально изменить характер общества. Вместе с тем при ссылках на то, что в определенной степени сохраняется «домодерновый религиозный порядок», не проанализирована его потенциальная роль, а также значение иных факторов в поддержании *долгоживущих смыслов*, являющихся основой «онтологической безопасности» (Э. Гидденс), – важное условие полноценной жизни людей, подверженных смысловым турбулентностям.

Ж.Т. Тощенко: общество травмы как особая модальность развития. Отмечу десять наиболее значимых новаций теории общества травмы Ж.Т. Тощенко, которые отличны от очерченных выше подходов к анализу социальной травмы и ее теоретизирований. 1. Прежде травма интерпретировалась как весьма значимое, но все же *отдельно взятое* общественное явление, в данной теории феномен травмы видится как фактор, детерминирующий *характер всего общества*, и потому речь идет об *обществе травмы*. Трактовки происходящих изменений, пишет автор, «можно расширить до понятия “общество травмы”, если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф)» [Тощенко, 2019: 25]. В этом контексте реалии общества травмы предстают детерминантами *характера социума в целом*, формирующими патологии всех сфер жизнедеятельности людей, – деформации в одной из них влекут травматические изменения в других.

2. Ранее травмы трактовались как специфическое проявление кризиса. В теории Ж.Т. Тощенко *данные понятия разводятся* и каждое из них получает свое определение. «Попытки описать эти новые явления посредством понятия “кризис” не давали должного ответа на происходящие во многих странах процессы. Возникающие регулярно в

капиталистическом мире кризисы имели достаточно отчетливые причины возникновения, были ограничены во времени и подвергались воздействию, приводившему к их преодолению. Но наряду с ними возникали и/или продолжали находиться в стадии рецессии и стагнации ряд стран, которые не смогли преодолеть причины такого специфического явления, как отсутствие или крайне медленный рост экономики, политическую неустойчивость и, как правило, увеличение социального неравенства» [Тощенко, 2019: 25].

3. Предыдущие понятия кризиса, катастроф, иных проявлений социальной деструктивности трактовались в контексте двух типов развития – эволюции и революции. По мнению Ж.Т. Тощенко, общество травмы – «третья модальность наряду с эволюцией и революцией». Значит, надо применить новые методы анализа, прибегнуть к использованию иного понятийного аппарата и попытаться найти обобщающие и особенные характеристики этих обществ» [Тощенко, 2019: 27]. Мы бы не стали ранжировать модальности развития, полагая, что фактически обосновывается ее *новая, специфическая* форма. Кроме эволюции и революции П. Сорокин выделяет «социальные флуктуации, то есть процессы, время от времени повторяющиеся в социальной и культурной жизни и в человеческой истории», под которыми понимается «любой вид движения, модификация, преобразование, перестройка или “эволюция”» [Сорокин, 2000: 80]. У. Бек обосновал возможную модальность развития в виде метаморфозы: «Метаморфоза не социальное изменение, не социальная трансформация, не эволюция, не революция и не кризис. Это способ изменения природы человеческого существования» [Beck, 2016: 18].

4. Начиная с эпохи Просвещения критерием развития государств считался *прогресс*, определяемый через призму «универсальных, правильных» ценностей и стилей жизни европоцентристского либерального толка. Движение к нему могло быть эволюционным или революционным, но непременно восходящим от «низшего» к «высшему» в этом контексте ценностей. Соответственно, страны определялись как «развитые», «развивающиеся», «догоняющие», «отстающие». Однако «из логики поступательного и сбалансированного развития, не совпадающей ни с эволюционной, ни революционной модальностью, выпадает значительное количество стран, которые относятся к “нестабильным государствам”» [Тощенко, 2019: 30]. Для них характерна стагнация или рецессия экономики, неустойчивость институтов, непрерывное возникновение вооруженных конфликтов, акты этноконфессионального насилия. «Значит, для этих стран мира уготован путь длительного турбулентного, неустойчивого, нестабильного развития, что позволяет утверждать, что именно такая форма существования и функционирования многих государств и обществ заслуживает того, чтобы их отнести к третьей модальности – травматическому развитию, к обществам травмы». В ситуации травмы оказываются страны, которые в целом характеризуются успешным развитием (США с конца 1960-х до начала 1980-х гг. находились на стадии стагнации и рецессии вместе с тяжелым процессом стагфляции). Следовательно, в состояние травмы могут попадать «все без исключения страны, в том числе и те, у которых мощная экономика, высокоразвитая промышленность, успешно функционирующее сельское хозяйство и другие отрасли национальной экономики». При этом впервые предпринята попытка *классификации стран, находящихся в состоянии травмы*, среди которых: 1) общества с «нарушенной логикой объективного и последовательного развития»; 2) общества, создававшиеся посредством «насильственного, в том числе и военного, давления со стороны внешних сил»; 3) общества, возникшие под влиянием цветных революций; 4) общества, в которых длительным травмирующим фактором стали этнические и конфессиональные противоречия; 5) страны не ориентированные на целенаправленное экономическое, социальное и политическое развитие; 6) Россия и ряд стран Восточной Европы, оказавшиеся в состоянии травмы «в результате ошибочного курса по изменению общественного строя» [Тощенко, 2019: 31–36]. Такая классификация позволяет критически взглянуть на существующие трактовки прогресса, на критерии «развитости» стран.

5. Значимо и то, что автором рассмотрен и проанализирован более *широкий круг причин сложного характера*, способствующих травматическому развитию. В частности,

выделяются причины возникновения общества травмы как внутреннего, так и внешнего происхождения: «...*правляющие круги зачастую не учитывают (игнорируют) или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику, то, что было накоплено странами в их историческом развитии*». Особо речь идет о такой причине, как «*неясность и неопределенность стратегической цели – какое общество строится в стране*. Этого не знают не только народные массы, но часто и те политические силы, которые находятся во власти». К особо важным причинам отнесено то, что «нет четких мировоззренческих идей, которые бы нашли воплощение в государственной идеологии. Ее отсутствие приводит к сумятице в общественном сознании, к потере четких жизненных ориентиров и воздействию случайных и стихийных центров влияния». Что касается *внешнеполитических* причин, то они «обычно связаны с прямым вмешательством в экономику государства», что проявляется и в виде санкций, и в провоцировании «возбуждения недовольства значительных групп населения, не удовлетворенных происходящими в стране процессами» [Тощенко, 2019: 42–47]. Как видно, автор ведет речь не только о плюрализме причин, их сложности, но и об их *взаимной обусловленности*, что нелинейно усиливает эффект травмирования социума.

6. Впервые выделены *родовые черты общества травмы*, среди которых: отсутствие перспектив развития, консервация устаревших методов управления производством, постоянная переформатизация политического пространства, сохранение этнических и религиозных конфликтов, велико влияние эгоистических личных и групповых интересов, отсутствие устойчивых влиятельных общественных сил, а политические партии «скорее изображают оппозицию». Появление родовых черт общества травмы в России, полагает автор, обусловлено некритическим заимствованием идей неолиберализма [Тощенко, 2019: 50–60]. Обоснование российским социологом родовых черт общества травмы позволяет с позиций современных реалий по-новому посмотреть на «патологическое» и «здоровое» общество [Фромм, 1995].

7. Нам неизвестны ранние попытки рассмотрения *травм социальной справедливости* в контексте формирования новых видов отчуждения. Ж.Т. Тощенко считает, что травмы проявляют себя прежде всего в отчуждении между социальными слоями, общностями, группами. При наличии стагнации в доходах населения идет процесс сверхобогащения – жизнедеятельность богатых групп далека от интересов народа. «В общественном сознании формируется стойкое убеждение в несправедливости созданного общественного устройства. Люди выступают не против богатства как такового, они протестуют против неравномерного его распределения и тех методов (в том числе и официальных, правовых), которыми это богатство приобретается». Особое значение имеет то, что автором показано воздействие травмы социальной справедливости на формирование «*специфического жизненного мира с короткоживущими рефлексиями*, что выражается в следующем: 1) он определяется не только объективными условиями «общества травмы», но и субъективными реалиями в виде парадоксов в сознании этих социальных групп; 2) базируется в основном на краткосрочных или временных взаимодействиях; 3) не стабилен, так как в незначительной степени может опираться на ранее накопленный практический, предшествующий, а тем более исторический опыт; 4) это *мир ограниченной рациональности*, одобренный чувственными и эмоциональными оценками; 5) он нацелен на реализацию первоочередных желаемых целей; 6) он часто *лишен перспективы, граждане не видят будущего*». Травмы социальной справедливости проявляются и в *меж- и внутривнутрипрофессиональном отчуждении*. Почти половина совокупного спроса на труд сосредоточена в 27 профессиях, которые «находятся в стороне (в отрыве) от технического и технологического прогресса» [Тощенко, 2019: 117, 119–120, 126–127]. На наш взгляд, здесь обосновываются *новые проявления отчуждения*, которым, в принципе, можно и нужно противостоять; конкретные средства должны быть отражены в стратегии развития страны.

8. Весьма значимо отслеженная *связь общества травмы с «идеологическим безвременьем»*. По мнению Тощенко, ныне «сложился конгломерат различных мировоззренческих ориентаций». Среди основных: 1) либеральная идеология, декларирующая «такие внешне

привлекательные ценности, как развитие демократии и обеспечение прав человека, но в достаточно специфическом толковании» – она «в значительной степени способствует тому, что российское общество носит черты общества травмы»; 2) социалистическая идеология, которая «никуда не исчезла и, более того, имеет тенденцию к ее большему распространению». Ее представляют группы, которые «не отвергают существование частных форм собственности, ратуют за установление социального (но не уравнительного) равенства»; 3) консервативно-патриотическая идеология, которую олицетворяет «ряд довольно разношерстных социально-политических течений»; 4) была попытка придать национальной идеологии «облик религиозного фундаментализма, в первую очередь православия»; 5) эрзац-идеологические формы как квази-, псевдо-, контр- и паракультуры, паразитирующие на, «с одной стороны, неуверенности людей в своем положении в существующем обществе, с другой – превращении культуры в бизнес-культуру». Такая идеологическая дисперсия – серьезный вызов консолидации российского общества. В связи с этим автор выступает за «государственно-общественную идеологию с четким обозначением средств и методов ее достижения. Без такой идеологии Россия не может в полной мере выйти из травматического состояния» [Тощенко, 2019: 195–200]. Заметим: предпринятая попытка дифференциации и систематизации идеологий существенно иначе, чем в теории Дж. Александера, раскрывает амбивалентность производства мировоззренческих смыслов. С одной стороны, каждая мировоззренческая ориентация имеет специфические смыслы, отдельные из которых травмируют общество. С другой стороны, для консолидации социума, минимизации парадоксов в общественном сознании необходимы четкие, структурированные идеологические смыслы, ассоциируемые с государственной стратегией и создаваемые смыслопроизводящими институтами, имеющими государственную поддержку.

9. В обществе травмы деформируется социальный и человеческий капитал. Здесь особо значима роль четырех составляющих – образование, воспитание, наука и здравоохранение. По определению Ж.Т. Тощенко, «остро стоит вопрос, как преодолеть накопленное отставание и как осуществить реформирование образования». Доминируют производящие травму постулаты о том, что «образование – это услуга», а первостепенное значение играет «умение зарабатывать деньги»; «...университеты ввергнуты в пучины квазирыночных отношений». В противоположность этим формальным и прагматическим подходам автор ратует за то, чтобы образование стало «сферой достижения и удовлетворения блага общества, обеспечения творчества, свободы поиска, раскрытия интеллектуального потенциала». Такая гуманистическая трактовка образования весьма значима в условиях вытеснения из российских СМИ обучающих и развивающих интеллект передач, которые заменяются всевозможными шоу. Для формирования социального и человеческого капитала также крайне важно системное воспитание, которое ныне разрушено: «Пока нет определенной, четко скоординированной работы по воспитанию у молодежи чувства гражданина, патриота, будущего интеллигента, ответственного работника производства». В травму социального и человеческого капитала вносит «вклад» пренебрежение к науке, что, в частности, проявилось в отношении к научным работникам, «которые на эту ситуацию прореагировали по-разному – уходом в другие отрасли, в бизнес, отъездом за границу». Вместе с тем, как нам видится, востребована социальная активность самих ученых. Нет должного ответа представителям лженауки, не разоблачаются мистификации, исходящие от получающих все большее распространение бизнес-тренингов, нацеленных на «рост личного капитала», последствия которых – депрессии, страхи, утрата доверия к науке и ее представителям. Наконец, фактор здравоохранения: без улучшения физического и умственного здоровья невозможно приращение человеческого капитала. «Оптимизация» здравоохранения «оборачивается для населения РФ ограничением доступности и качества медицинской помощи, что неизбежно повлечет за собой ухудшение здоровья граждан и их качества жизни. Эта проблема наиболее актуальна для жителей малых, средних городов и сельской местности». В итоге – деформации в

здравоохранении «усилили травматическое состояние российского общества» [Тощенко, 2019: 209, 211–212, 228, 239, 256, 269].

10. Самое главное – обосновываются средства выхода из общества травмы, предлагается «лечение» его патологий и рисков. Отправное положение автора – «общество травмы не вечно, оно не может продолжаться бесконечно. Эта форма его существования обязательно прервется или очередным революционным взрывом или [общество] найдет в себе силы и возможности для ненасильственной реализации логики развития и успешного существования». Для преодоления травмированности общества конкретно предлагается четкое и однозначное «определение стратегической цели развития и средств ее достижения». Такая стратегия должна найти отражение в государственных документах и стать частью общественного сознания, понимания людьми, к чему в перспективе стремится и чего желает добиться (получить) население страны. Эта цель неминуемо призвана приобрести форму идеологии, чтобы, по крайней мере, большинству населения страны было ясно, какое общество его ожидает в будущем. Данная стратегия востребует возрастающую роль науки, реальное вовлечение народа в управление государственными и общественными делами, развитие политической конкуренции, неотложное совершенствование управления, устранение все возрастающего социального неравенства [Тощенко, 2019: 301–311]. Предлагаются контуры реалистичной стратегии «оздоровления» общества травмы, призванной заменить традиционно используемые методы «симптоматического» и «символического лечения» рисков, которые ущербны по своей сущности [Бек, 2000: 68].

Инновационность теории общества травмы Ж.Т. Тощенко проявляется в том, что в ней, по существу, происходит переоткрытие социальной реальности, возможных путей ее развития в условиях нелинейного развивающегося мироздания, что является показателем валидности социологического знания [Кравченко, 2014а: 27–37]. Положения и выводы теории стимулируют дальнейшие исследования в этом направлении. В общих чертах наметим следующие пять из ряда возможных.

Первое. Исходя из отмеченной сложной причинности формирования общества травмы, представляется, необходимо конкретизировать специфику травм в зависимости от трех макрофакторов: 1) реалии нелинейного развития объективно воспроизводят сложные уязвимости в виде «нормальных аварий» (Ч. Перроу), «побочного ущерба» (З. Бауман), «ресурсной зависимости» (Дж. Урри), придающие травмам «нормальный» характер. Подобного рода травмы в качестве идеальных типов можно обозначить как «нормальные травмы»; 2) субъективные источники разнопорядковых травм, возникающих в результате как некомпетентности руководства, так и культурного конструирования мистификаций в тех или иных политических целях. Их условное название – «рукотворные травмы»; 3) в ряде случаев, когда имеет место интерференция объективных и субъективных причин внешнего и внутреннего толка, могут образовываться «комплексные травмы».

Второе. Высказанная идея о возникновении *новых сложных форм отчуждения*, несомненно, плодотворна в контексте изучения ненамеренных последствий цифровизации, травмирующих естественный процесс социализации, чему может противостоять гуманизация всего знания и переход обществ к гуманистическому тренду развития [Кравченко, 2017: 3–14].

Третье. Практически востребована идея автора об ущербности «жизненного мира с короткоживущими рефлексиями». Ныне в разных обществах предпринимаются меры по сохранению традиций, возврату к консервативным образцам жизни и, в целом, формированию долгоживущих смыслов и рефлексий. Полагаем, соответствующий тренд необходим в социологии и других науках в виде поворота *ригидности*. Квинтэссенция его предметной сферы: междисциплинарное изучение факторов, способствующих стабильному функционированию социума, устойчивому развитию, рутинизации, понимаемой как «преобладание привычных стилей и форм поведения, управляющее ощущение онтологической безопасности, равно как и управляемое им» [Гидденс, 2003: 501], т.е. всего, что противодействует турбулентностям и травмирующему развитию.

Четвертое. Полвека с момента создания Э. Фроммом теории патологического и здорового общества в контексте реалий общества травмы следует подумать о формулировании новых критериев общественного здоровья.

Пятое. При всей сложности диагностики патологий общества травмы еще труднее вырабатывать адекватные средства их «лечения» – от результатов в их обосновании зависит характер будущего здорового общества, функционирующего в условиях нелинейности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.
- Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академ. проект, 2003.
- Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 20146. № 8. С. 3–10.
- Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014а. № 5. С. 27–37.
- Кравченко С.А. Метаморфозы: сущность, усложняющиеся типы, место в социологическом знании // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 3–14. DOI: 10.7868/50132162517100014.
- Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000.
- Сорокин П.А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8. С. 121–137; № 9. С. 144–159.
- Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). Москва: Весь Мир, 2019.
- Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995.
- Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 20016. № 2. С. 3–12.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001а. № 1. С. 6–16.
- Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 486–499.
- Alexander J.C. The Drama of Social Life. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2017.
- Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. New York: Oxford University Press, 2003.
- Alexander J.C. Trauma. A Social Theory. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2012.
- Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2016.
- Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995.
- Sztompka P. Society in Action: The Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press; Chicago: University of Chicago Press., 1991.

Статья поступила: 15.01.20. Принята к публикации: 11.03.20.

SOCIOLOGICAL THEORIES OF TRAUMA: DISCOURSE IN CONTEMPORARY THEORETICAL SOCIOLOGY

KRAVCHENKO S.A.

MGIMO University, Russia

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Philos), Prof., Head of the Department of Sociology, MGIMO University; Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru).

Abstract. In historical and cultural context there are critically analyzed approaches to different manifestations of traumatic development and the very idea of social trauma. P. Sztompka's theory of becoming displays how the effects of "society in action" and "pathological agencies" cause socio-cultural traumas. J.C. Alexander's theory of cultural construction of trauma and "the dramatization of consciousness" diagnoses the role of artificially constructed short living mystified meanings in the deformation of social consciousness. In the paper special attention is given to the analysis of Zh.T. Toshchenko's theory of 'the society of trauma' that suggests and argues for a new specific modality of development. It is shown that with the help of theoretical and methodological tools of this theory there are revalued traditional criteria of the progress of the countries that earlier were defined as "developed", "developing", "catching up", "backward" that did not take into consideration traumatic features of "non-stable states" – their realities and trends of development do not dovetail either with evolution or with revolution modality. Relying on the postulates and conclusions of this theory the author of the paper proposes further investigations into the issues of society of trauma.

Keywords: trauma, nonlinearity, reflexivity, becoming, "society in action" construction of trauma, "the dramatization of consciousness", the society of trauma, modality of development, complex causality, human capital, digitalization.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2017) *The Drama of Social Life*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Alexander J.C. (2003) *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press.
- Alexander J.C. (2012) *Trauma. A Social Theory*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-traditsiya. (In Russ.)
- Beck U. (2016) *The Metamorphosis of the World*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press.
- Caruth C. (1995) *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Engels F. (1961) The Part Played by Labour in the Transition from Ape to Man. In: Marx K., Engels F. *Collected Works*. 2nd ed. Vol. 20. Moscow: Gospolitizdat: 486–499. (In Russ.)
- Fromm E. (1995) Healthy Society. In: *Psychoanalysis and Culture. Selected Works by Karen Horney and Erich Fromm*. Moscow: Yurist. (In Russ.)
- Giddens A. (2003) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akademicheskiiy proekt. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2014a) «A Normal Aanomie»: Contours of Conception. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–10. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2017). Metamorphoses: Essence, Increasingly Complex Types, Place in Sociology of Knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–14. DOI: 10.7868/S0132162517100014. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2014b) Re-discovery of Social Reality as an Indicator of Sociological Knowledge Validity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 27–37. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1991) Mysterious Energy of Love. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 121–137; No. 9: 144–159. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1997) *The Basic Trends of Our Time*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2000) *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. St. Petersburg: ZKhGl. (In Russ.)
- Sztompka P. (1991) *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. Cambridge, UK: Polity Press; Chicago: University of Chicago Press.
- Sztompka P. (2001a) Social Change as Trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Sztompka P. (2001b) Cultural Trauma in a Post-communist Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) *Trauma Society: Between Evolution and Revolution (Experience of Theoretical and Empirical Analysis)*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)